

Содержание

Виньетки

<i>Справка</i>	6
Мы все глядим в аристократы	8
В далекую	18
Собственный компьютер	20
Грифель, который всегда с тобой	22
Игналина	28
На старом филфаке	32
Владик Е.	32
Костюмы	34
Вадим Р.	35
Игорь Ч.	37
Владимир Л.	38
Die Söhne	41
Все свои. <i>Без неймдропинга</i>	44
Король	52
За кашей	53
Аромат эпохи. <i>Из истории 70-х</i>	55
Визит к старой даме	57
Интертекст (<i>72 слова</i>)	59
О понимании	60
В сторону Гогена	61
О непонимании	64
Изюм певучестей	71
У Коджака	71
Ронен	73
С.	75
Энн Арбор	77
Käsesuppe	80
Вкус треугольника	86
Мудак и зануда	90
Безвозмезддо, то есть — дадом!	91
В хронологической пыли	95
Ярмарка тщеславия	99

Уроки нон-фикшн	101
Doctor Livingstone, I presume?	107
Paroose	111
Книжное имя	118
Visitable past	120
На грани	128
О любви	130
Зоценко, Чехов и Херасков	132
Невольник чести (<i>Алкогольная проза</i>)	135
Бегут, меняясь, наши лета...	140
Машинный перевод	141
Открытая система (<i>Памяти Умберто Эко</i>)	143
Silentium	146
Опять о другом	150
Евгений Борисович	153
Неизданный Вознесенский	159
Знакомая львица	165
Наука и жизнь	169
Великий пониматель	173
Третий лишний	177
Русская рулетка	181
Между Кавериним и Буниным	187
ВАР + СОВМ	196
Мертвые души	198
Елеазар Моисеевич	201
Очки	204
Вход — строго по читательским билетам	207
Игры в сумерках	209
Искусство как подвох	212
Пушкин, Макартур, время и мы	215
Рассказы	
Вереочка	220
Голубая пантера	225
<i>Посылка</i>	231

В далекую

Эту формулу я уже вспоминал — в связи с тем, как в середине семидесятых папа приезжал к нам с Таней на дачу в Купавну, чтобы, тряхнув стариной, сходить, вот именно, «в далекую». Я помнил ее с детства. Под ее знаком папа, повязав на голову носовой платок с четырьмя узелками по углам, отправлялся за десятки километров к другой ветке железной дороги, слал оттуда маме телеграмму и поспевал к ее сюрпризному вручению местным почтальоном.

Такое он проделывал не только на даче — в Челюскинской (1953–1954, у «Зоси» Мархлевской, дочери польского большевика), в Кракове (1951–1952, у Митлина, одноклассника советского наркоминдела А. А. Громыко, считавшегося в школе одним из самых тупых), на 42-м километре (1950, у Гаращенко, где я жутко переболел дизентерией), — но и раньше, когда папу еще не увольняли из Консерватории (1949) и мы летом жили в домах творчества композиторов — в Яундубултах на Рижском взморье (1948), под Ивановом (1947), в дважды завоеванной у финнов Сортавале (1946).

Откуда взялась эта странная идиома (стоящая особняком от более обычных, типа *вслепую, в открытую, врассыпную*), я не знал и у папы не спрашивал, хотя не исключено, что своими корнями она уходила вглубь его богатой словечками, преимущественно еврейскими, семейной истории и принадлежала кому-то из предков. Своим рано пробудившимся языковым чутьем я сразу выделил ее, полюбил и радостно повторял, но о филологической тайне ее привлекательности не задумывался.

Задался я этой загадкой только недавно — и сходу разрешил ее, раз и навсегда. Но это не значит, что годы нерассуждающей любви к папиному слогану прошли даром. Иногда над разгадкой бьешься долго, иногда она приходит мгновенно, но с любимыми текстами чаще всего бывает так, что ты бескорыстно помнишь их, любишь, цитируешь, примеряешь к себе и другим и лишь много лет спустя вдруг соображаешь, в чем там дело.

Ну, первые тридцать лет вопроса об анализе, естественно, не вставало. Но к середине семидесятых мы со Щегловым разработали соответствующий инструментарий, который охотно испытывали как на литературной классике, так и на образцах «низкого»

жанра¹. К данному случаю следовало применить понятия иконического воплощения темы и ее проекции в сферу языковых средств. Но тогда это сделано не было. А на днях фраза почему-то вспомнилась — папы уже почти двадцать лет как нет на свете, последний раз мы с ним ходили в далекую в 1984-м, и он с передышками, но взшел на Мон-Сен-Мишель, теперь же и мои прогулки, в том числе велосипедные, постепенно сокращаются, — вспомнилась и, не церемонясь, открыла свою тайну.

Проницательному читателю ответ, наверное, уже ясен. Для остальных позволю себе его сформулировать.

Тема этого мини-текста заявлена впрямую: «нечто далекое, даль». Главная особенность ее выражения тоже очевидна: эллипсис. Причем даже двойной, поскольку текст эллиптический и синтаксически — опущено существительное, к которому относится прилагательное *далекую*, и лексически — остается неизвестным, какое именно существительное подразумевается: *прогулку? дорогу? экспедицию? сторону? даль?* В то же время грамматически, семантически и прагматически конструкция вполне определена: направительный предлог *в* + винительный падеж, женский род существительного, очевидность намерений говорящего. Налицо характерное поэтическое напряжение между внешней неправильностью высказывания и его образной внятностью.

И соответствие между смыслом и текстом — самое прямое, прозрачное, иконическое. Ведь что такое «даль»? Это нечто, к чему наши желания, мысли, взоры стремятся (как прилагательное стремится к определяемому им существительному), но что находится где-то за пределами нашего видения, поля зрения, горизонта, являя собой некое неопределенное, загадочное, да еще и женское, «там» (подобное опущенному существительному эллиптической конструкции).

...Задача, как видим, несложная, решение простенькое, триста лет поливать и стричь было, пожалуй, необязательно. Зато дополнительно высветилась временная перспектива.

Санта-Моника, август 2017

¹ См. наши препринты «К описанию смысла связного текста», I–IV (1971–1974).